

Г.А.Сатаров
ИНСТИТУТЫ ХАОСА:
ПРОБЛЕМА УЗНАВАНИЯ

*Посвящается
 Алексею Михайловичу Салмину*

Закономерность явлений природы считается чем-то столь понятным, само собой разумеющимся, что находят возможным искать ее корни не в реальности действительной жизни, а в характере нашего разума. На самом деле, закономерность явлений природы — самое загадочное из всего того, что нам приходится наблюдать в жизни. Откуда порядок? Почему порядок, а не хаос и беспорядочность? И, если бы гипотеза закономерности не приносила с собой столько практических выгод, люди никогда бы не соблазнились возводить ее в сан вечной и непререкаемой истины. Но благодаря ей оказалось возможным предвидение, savoir pour prévoir, а вместе с тем господство над природой, и философы, всегда преклонившиеся перед успехом, стали наперерыв заискивать у нее и первым делом предложили ей высший титул, каким они располагали, — титул вечной истины. Но и этого ей показалось мало: l'appétit vient en mangeant. Как старуха в сказке о золотой рыбке, причинность захотела, чтобы сама рыбка была у нее на посылках... Этого уже кое-кто не стерпел — но только кое-кто...

Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности

Данная статья является одним из следов работы, начатой автором в конце 2002 г. На всех этапах ее идея, возникавшие озарения и тупики обсуждались с Алексеем Михайловичем Салминым. Это всегда было интересно и плодотворно, надеюсь — для нас обоих. Мой незабвенный друг выступал здесь сначала в роли заботливого акушера, а затем — неназойливого воспитателя. Если читатели услышат кое-где в предлагаемом тексте знакомую интонацию устной речи Алексея Михайловича, то это след наших бесед.

**Постановка
 задачи**

Куда девается хаос? Я в том смысле, что если хаос есть основа всего — так утверждают все древние космогонии, то куда он девается потом? Исчезает насовсем? Или где-то таится? И как ему, бедному, сохра-

ниться, если все с ним борются? А если он все-таки сохраняется, то в каком виде и как? Вот те наивные вопросы, которые стимулировали предлагаемую читателям работу.

Даже если вернуться к древним космогониям, то и тут, как выясняется, не все так просто. Две древнейшие космогонии — Египта и Месопотамии — совершенно по-разному относятся к хаосу. Первая — по доброму, вторая — со страхом¹. Возможно, это связано с тем, что природные условия Египта позволяли обитателям этой земли наблюдать ежегодное возрождение жизни из ила, приносимого разливами реки. А в Месопотамии буйства стихии были столь же свирепы, сколь и непредсказуемы. Но это только гипотеза. Важно же то, что в обеих космогониях жизнь рождается из первозданного хаоса — как и во всех остальных. Как правило, зарождение жизни и, что важно, социального порядка сопряжено с победой над хаосом, уничтожением его, как думалось, навсегда. Это в египетской космогонии акт творения не уничтожает хаос, но лишь отводит ему свое место в учреждаемом творением порядке. Гораздо популярнее сюжеты победы над хаосом, вытеснившее в конце концов как минимум амбивалентное восприятие моего героя. Мифы Месопотамии рассказывают о боге *Ану*, олицетворяющем силу, которая поднимает общество из хаоса и анархии и преобразует его в структуру, в организованное целое. Другой бог (грозы) *Энлиль* призван, помимо прочего, оберегать порядок от хаоса. Такое отношение к последнему стало доминирующим.

Теперь вернемся в XX в. Конец его стал эпохой Интернета. Эту мощную и независимую стихию попыталось обуздать государство, прежде всего — в Соединенных Штатах, там, где она зародилась: 8 февраля 1996 г. президент США подписал закон «о благопристойности коммуникаций» (Communications Decency Act — DCA). Принятие данного закона было вызвано стремлением оградить детей от пагубного влияния порнографии, распространявшейся через Интернет, и другими не менее понятными причинами. Однако эта первая попытка была пресечена историческим вердиктом окружного суда штата Пенсильвания². В заключительной части семидесятистраничного документа, подписанного 11 июня 1996 г., говорилось:

«Точно так же, как силой Интернета является хаос, сила нашей свободы опирается на хаос и какофонию свободы слова, защищаемой Первой поправкой. По этим соображениям я без колебаний признаю CDA неконституционным»³.

Вдумаемся: суд — институт, призванный охранять незыблемость социального порядка, — защищает другой институт — Интернет — на том основании, что его главное достоинство — хаос. Далеко не всегда, особенно в текстах столь практической направленности, можно встретить подобное отношение к хаосу. Чаще он отдается на поругание, он — синоним беды, прошедших или грядущих несчастий, потрясений.

Итак, на одном конце исторического интервала мы обнаруживаем зафиксированную в мифах победу над неким хаосом, а на другом —

¹ Франкфорт и др. 2001: 17.

² Текст вердикта см. http://www.ciec.org/decision_PA/decision_text.html.

³ «Just as the strength of the Internet is chaos, so the strength of our liberty depends upon the chaos and cacophony of the unfettered speech the First Amendment protects. For these reasons, I without hesitation hold that the CDA is unconstitutional on its face».

восхваление хаоса весьма уважаемыми людьми, не просто людьми — юристами, в документе высочайшей важности. Мы видим, как изгоняемый нами на протяжении тысячелетий хаос победно поднимается над банальной повседневностью унылого порядка. Возникает вопрос: где он таился? Ответ, на мой взгляд, таков.

Социальный порядок, наряду с институтами, предназначенными для поддержания и воспроизводства этого порядка, создает институты хаоса, призванные постоянно расширять этот порядок, не давая ему застыть, сохраняя тем самым возможность его изменения.

⁴ Сатаров 2006: 23—39. Более обширный текст см. сайте Фонда ИНДЕМ (<http://www.indem.ru/satarov/PoVo.SoIzm.htm>).

Обоснованию этого тезиса была посвящена статья, опубликованная мною два года назад⁴. В ней обсуждались различные институты, давно известные, но ранее практически не рассматривавшиеся в этой своей ипостаси — как инструменты генерации хаоса. Мудрость организации социального порядка состоит в том, что он издревле охраняет не только status quo. Наравне с ним он стережет и его противоположность — хаос в разных его проявлениях. Стережет пугливо, неосознанно, камуфлируя эту заботу нелепыми мифами, но, тем не менее, стережет. И это делает социальный порядок плодотворным и развивающимся. Более того, хаос существует не только в резервациях-институтах. Напротив, он пронизывает все наше бытие на всех его уровнях.

Проблема в том, что мы его игнорируем. Мы «заточены» на распознавание порядка, выявление закономерностей. Мы не замечаем хаоса, боимся его и бежим от него. Мы (цивилизация) охраняем и воспроизводим его неосознанно, камуфлируя и легендируя эту активность. Эта странность нашего социального бытия и составляет предмет данной статьи.

Научное приличие обязывает предварительно договориться, что должно пониматься здесь под хаосом. Сразу предупреждаю: исчерпывающего определения дать не берусь, мало того, считаю это кошунственно бесполезным занятием. Мое общее с читателем понимание будет формироваться всем текстом статьи. Для начала же предлагаю трактовать хаос как обозначение некоторого достаточно емкого семантического поля, которое включает понятия, находящиеся на одном полюсе во всех парах следующих антонимических противопоставлений: «беспорядок — порядок», «перемешанность — разделенность», «случайность — детерминированность», «беспричинность — причинность», «непредсказуемость — предсказуемость», «нестабильность — стабильность», «неопределенность — определенность», «разнообразие — однообразие» (понятно, что этот ряд может быть продолжен)⁵.

⁵ Пары «безобразия — красота», «смерть — жизнь», включенные в данный перечень в работе Е.Ю. Погорельской (Погорельская 2004: 130—137), достаточно полно характеризуют традиционное отношение к Хаосу, но не его сущность.

Трудности распознавания институтов хаоса будут рассмотрены ниже с трех точек зрения: страх перед хаосом; попытка восстановления реального статуса, места хаоса; примеры институтов хаоса вместе с их «легендами прикрытия».

**Страх
перед хаосом**

Здесь речь пойдет главным образом о страхе, который демонстрируют ученые мужи в своих сочинениях. Я меньше касаюсь такого очевидного явления, как страх обыденного сознания. О нем немало написано, он отражен в художественной литературе, в банально-неприличной форме он проявляется даже в современном российском политическом дискурсе. Ограничусь лишь ссылкой на Зигмунта Баумана:

«Если порядок столь привлекателен в силу того, что он дает возможность предсказывать и тем самым контролировать результаты своих поступков, то хаос предстает перед нами явлением одиозным, отталкивающим и ужасающим, поскольку он разрывает связи между тем, что вы воспринимаете, и тем, что с вами происходит, между «действием» и „страданием“»⁶.

⁶ Бауман 2002: 40.

Страх перед хаосом имеет древнюю природу и является, по всей видимости, оборотной стороной нашего преклонения перед социальным порядком, одной из форм его защиты. Порядок священен, хаос — страшен. Порядок — необходимое условие выживания вида, к которому мы себя причисляем. Вот как пишут об этом Питер Бергер и Томас Лукман:

«Человеческому организму не хватает биологических средств, чтобы обеспечить стабильность человеческого поведения. Человеческое существование, если бы оно опиралось только на ресурсы организма, было бы весьма хаотическим. Хотя подобный хаос и можно представить в теории, на практике он маловероятен. В действительности человеческое существование помещено в контекст порядка, управления, стабильности... Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения... Иначе говоря, хотя ни один из существующих социальных порядков не может быть установлен на основе биологических данных, необходимость в социальном порядке как таковом возникает из биологической природы человека»⁷.

⁷ Бергер, Лукман 1995: 87—89.

Итак, страх перед хаосом — естественное следствие священного преклонения перед порядком, необходимым для выживания. У страха научной мысли перед хаосом те же корни. Поскольку здание науки построено на ценности порядка, все традиционные научные категории являются его всевозможными ипостасями или отражениями: закономерность, функция, целесообразность, рациональность и т.д. Понятно, что хаос, случайность и т.п. противоречат этим традиционным понятиям, вступают с ними в конфликт, разрушают стройную, привычную, комфортабельную картину мира, в нижнем правом углу которой отчетливо видна подпись автора: «Порядок». Охраняя эту картину, «позитивная научная мысль» часто поступает так, как принято поступать в обыденной практике: то, что вы не можете объяснить, то, чего вы боитесь, надо унижить отрицанием существования. Именно в этом причина того, что случайное нередко интерпретируется как «зона непознанного». Приведу один из примеров:

«...Случайность в субъективном смысле есть полезное регулятивное понятие: оно указывает на ограниченность той системы координат, которой мы пользуемся. Случайность же в объективном смысле неизбежно приводит к утверждению «абсолютной случайности» — понятие, не реализуемое в мысли и противоречащее осмысленности бытия. Случайность в объективном смысле приемлема лишь как псевдоним свободного акта»⁸.

⁸ *Левицкий 1995:*
102.

Склейка случайности и свободы в этой цитате вполне закономерна: свобода так же нелепа или страшна. Поэтому, скажем, Николай Лосский, следуя Шопенгауэру, отождествлял абсолютную случайность и абсолютную свободу, тут же отзываясь об этом субституте хаоса таким образом: «Свобода, в смысле абсолютного индетерминизма, могла бы быть уделом лишь крайней степени глупости»⁹.

⁹ *Лосский 1991:*
514.

Более «отважная» и довольно распространенная трактовка хаоса отталкивается от представления о равновероятности событий: когда одно событие нельзя признать более вероятным, чем другое, то это и есть хаос. Такой трактовки хаоса придерживается, в частности, Бауман:

«Порядок имел бы место, если бы возможным было не любое событие; по крайней мере, если бы каждое событие было бы не в равной степени вероятным; если бы одни события фактически обязаны были произойти, другие были бы весьма вероятны, третьи — крайне маловероятны, а об остальных даже не возникало бы вопроса. В том случае, когда шансы любого события представляются равновероятными, следует говорить о хаосе»¹⁰.

¹⁰ *Бауман 2002:*
39—40.

Подобного рода рассуждения, как правило, основаны на ограниченном (выражусь мягко) представлении о вероятностях. С математической точки зрения в любом вероятностном пространстве всегда есть два принципиально неравновероятных события; вероятность одного всегда равна нулю, а другого — единице. Более того, не бывает пространств, в которых вероятности всех событий равны, если таких событий больше двух, — уже хотя бы по той причине, что вероятность события $A+B$ не меньше, чем сумма вероятностей событий A и B . Наконец, математики считают типичным результатом совокупности хаотических воздействий нормальное распределение, совсем не похожее на равномерное. Все это означает, что хаоса по Бауману просто не существует, а потому предложенное определение — бессмысленно.

Имеется и еще одна форма страха перед хаосом. Некоторые исследователи признают объективное существование случайных событий, но полагают, что они не представляют научного интереса¹¹. Такая позиция — всего лишь способ убежать от неприятного и непонятного.

¹¹ *Будон 1998:* 217.

Специального обсуждения заслуживает довольно типичный комплекс представлений о случайности, проявляющийся в текстах Умберто Матураны и Франсиско Варелы¹². Будучи основоположниками нового научного направления, известного под названием «Вторая кибернетика», эти замечательные мыслители вместе с тем демонстрируют мистический страх перед случайностью. Как честные исследователи, рисуя

¹² *Матурана, Варела 2001.*

картину изучаемого ими мира, они поневоле живописуют хаос и даже поют ему гимн. Естественный дрейф филогенеза описывается ими с помощью метафоры капель, случайным образом скатывающихся по склону холма¹³. Чуть дальше по тому же поводу они используют другую метафору, которая и кажется мне тем самым гимном хаосу. Не могу удержаться от искушения привести этот фрагмент целиком:

¹³ Там же: 96—97.

«Эволюция чем-то напоминает скульптора с неутомимой страстью к странствиям: бродя по свету, он подбирает то веревочку, то обренок жести или обрубок дерева, а потом сооружает из своих находок некую конструкцию, объединяя их так, как позволяет структура находок и обстоятельства, лишь по одной-единственной причине, которая заключается в том, что их можно объединить. И в результате таких странствий на свет появляются великолепнейшие формы; они состоят из гармонично взаимосвязанных частей, которые являются продуктом не тщательно продуманного плана, а естественного дрейфа. Именно так, по велению единственного закона — сохранения тождества и способности к репродукции — появились на свет все мы. Именно это и связывает нас в самом главном со всеми существами: с пятилепестковой розой, с кроватью в водах бухты или со служащим в Нью-Йорк Сити»¹⁴.

¹⁴ Там же: 104.

Этот текст самодостаточен. Он не нуждается в разъяснениях и комментариях. Но сами авторы так не считают. Пугаясь своей смелости, они постоянно уверяют читателей, что никакой случайности не существует. Перед тем как пропеть гимн хаосу филогенеза они пишут: «Поскольку нам известны не все факторы... структурный дрейф представляется нам случайным процессом»¹⁵. Та же трактовка случайности как синонима ограниченного знания! Более подробно они пытаются обосновать ее ниже¹⁶. Попробуйте сопоставить приведенный пассаж со следующим за ним через три страницы:

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же: 108—109.

«Как мы уже видели, прийти к научному объяснению мы можем только в том случае, если станем трактовать рассматриваемое явление как результат функционирования структурно детерминированной системы. Весь приведенный нами до сих пор анализ окружающего мира и живых существ был изложен в детерминистических терминах. При таком подходе Вселенная становится постигаемой, и живые существа возникают в ней спонтанно и естественно»¹⁷.

¹⁷ Там же: 108.

Дело не только во внутреннем противоречии между спонтанностью и детерминированностью или в несоответствии сказанного предыдущему пассажи. Важно отметить, что авторы вообще не прибегают к детерминистским категориям. Их рассуждения о случайности чужеродны тексту и необязательны по логике изложения. Заканчиваются эти отступления утверждением: «Строго говоря, ничто не случайно»¹⁸.

¹⁸ Там же: 110.

Чтобы подкрепить свои представления о случайном, авторы апеллируют к естественным наукам:

«Физик в отчаянии опускает руки и толкует лишь о случайных флуктуациях. Тем не менее он знает, что в основе любой наблюдаемой ситуации лежат детерминированные процессы. Иначе говоря, физику

известно, что для описания того, что происходит с каплями воды, ему необходим детерминистический, практически недостижимый протокол, который все же можно проигнорировать, заменив вероятностным описанием»¹⁹.

¹⁹ Там же: 100—101.

Это совершенно не соответствует современным физическим представлениям. В следующем разделе будет приведен иллюстрирующий данный факт пример. Здесь же достаточно зафиксировать выявленный комплекс традиционных точек зрения: честное и точное описание роли случайного в природе вещей сочетается с анафемой случайности, с непризнанием ее фундаментальной роли, и все это подкрепляется неадекватными апелляциями к якобы детерминистской физической картине мира.

Место хаоса

Трудно свыкнуться с мыслью, что хаос (случайность, непредсказуемость, неопределенность и т.п.) не досадное недоразумение, вредная аномалия или синоним нашей ограниченной осведомленности. Между тем хаос — столь же естественная и необходимая часть природы (физической, биологической, социальной), как и его более удачливый и популярный антипод — порядок.

²⁰ Данный пример почерпнут из замечательного, уникального учебника «Фейнмановские лекции по физике» (Фейнман, Лейтон, Сэндс 1965: 204—217).

Начну с мира физического, ограничившись двумя примерами из великого множества. Первый пример²⁰ касается знаменитого эксперимента с пучком электронов, которые движутся в потоке на мишень с двумя отверстиями (на самом деле это мысленный эксперимент, упрощенно излагающий более сложную ситуацию). Опыты с преодолением подобного рода препятствий элементарными частицами показывают такую картину рассеяния электронов (следов их траекторий после преодоления препятствия), которой соответствует только один вывод: невозможно предсказать заранее, какой электрон через какое отверстие пролетит, минуя мишень. Поведение электронов принципиально вероятно. О том же говорит другое великое открытие — принцип неопределенности Гейзенберга, который гласит: нельзя абсолютно точно измерить одновременно положение и импульс элементарной частицы. Это прямое следствие вероятностной природы частиц (хотя предлагались и иные интерпретации). Если отказаться от представления о вероятностной природе микромира, он просто исчезнет; грубо говоря, электроны рухнут на ядра, вокруг которых «вращаются». Более того, то, что знает физика о поведении элементарных частиц, не позволяет принять гипотезу, согласно которой мы не можем построить детерминированную модель электрона постольку, поскольку не осведомлены о том, как он устроен. Дело не в ограниченности нашего знания или вычислительных ресурсов. Дело в вероятностной сущности микромира. И все.

Вот как пишут об этом авторы самого известного учебника физики:

«Физика и впрямь сдалась. Мы не умеем предсказывать, что должно было бы случиться в данных обстоятельствах. Мало того,

мы уверены, что это невысказано: единственное, что поддается предвычислению, — это вероятность различных событий. ...*Ибо такова природа вещей*²¹.

²¹ Фейнман, Лейтон, Сэндс 1965: 214—215.

Это означает, что законы физической природы принципиально вероятностны. Мы можем заменять вероятностные закономерности детерминированными только в той мере, в какой готовы пренебречь адекватностью описания ради простоты, и только тогда, когда это позволяет решаемая нами практическая задача. Это можно делать, к примеру, при описании движения больших тел (законы Ньютона). Но для микрочастиц подобная замена будет неуместной вольностью.

Другой пример связан с современными теориями происхождения Вселенной. Самой влиятельной из них является теория Большого взрыва, возникшая в 40-х годах XX в. усилиями Георгия Гамова, Роберта Альфера и Роберта Германа²². Согласно этой теории, эволюция Вселенной представляет собой эволюцию различных фаз хаотического состояния материи и процессов самоорганизации внутри этих фаз: кварк-фотонный газ, фотонное море, однородный разряженный инертный газ. Образование звезд под воздействием гравитации из однородного газа было предсказано еще Ньютоном. Однако данный процесс, чье существование было подтверждено много позже, возможен только за счет случайных гравитационных аномалий. В последнее время стала обретать популярность новая теория, названная «хаотической космологией» и восходящая к идеям Андрея Линде²³. В ней хаосу отводится еще более фундаментальная роль.

²² Описание этой теории см., напр. Эбелинг, Файстель 2005.

²³ Павленко 2003.

Поразительно, но еще Лукреций измыслил атомы, которые, двигаясь по инерции в пространстве, могут совершать случайные отклонения от прямого движения (клинамены). Именно клинаменам, по Лукрецию, обязано существованием все сущее²⁴. Было бы крайне соблазнительно предаться подобному редукционизму. Но гораздо продуктивнее и интереснее посмотреть, как случайность действительно проявляется на других уровнях «организации материи».

²⁴ Пригожин, Стенгерс 2005: 252—253. Пригожин восхищается провидением Лукреция.

Применительно к клеточному уровню стоит упомянуть известный нейробиологам факт. Установлено, что нейроны могут находиться в трех состояниях с точки зрения их основной функции — передачи сигналов. Первое состояние — стационарное, состояние покоя, в котором никакие сигналы не передаются. Второе — состояние осцилляции; в этом состоянии нейрон передает штатную для него информацию. Третье — хаотическая сигнальная активность. У сторонников детерминистического подхода последнее может вызвать недоумение: «Зачем это нужно?». Вот один из многочисленных вариантов ответа. Амеба, постоянно занятая поиском в воде различной мелкой органики, находит ее с помощью своих ложноножек. Самое главное: поиск пищи ложноножками осуществляется хаотически. И что особенно примечательно: как мы увидим позже, случайный поиск пищи свойствен не только примитивным организмам, но и организованным социальным общностям.

Сделаем следующий шаг. Выше рассказывалось, как Варела и Матурана старались откеститься от случайности в качестве соучастницы филогенеза. Между тем, чтобы прояснить ее роль, достаточно задаться вопросом: что появляется раньше — изменение климата или организмы, приспособленные к этим изменениям (к примеру, покрытые мехом)? Если мы скажем, что похолодание привело к появлению меха, то тем самым породим массу вопросов: что определяет, кто покроется мехом, а кто нет? как определяется, что реакцией на похолодание будет именно обрастание мехом, а не жиром, например? как реакция организма на похолодание превращается в наследственный признак? и как выживают предки тех, кто в будущем покроется мехом, реагируя на похолодание?

Ни один из этих вопросов не имеет решения в принципе. Биологам известно, что все происходит наоборот: сначала появляются покрытые мехом животные, а потом случается похолодание. Но тут возникает другой вопрос: откуда они знают, что скоро похолодает и что с учетом такой перспективы лучше покрыться мехом? Вопрос выглядит идиотским, тем более что ответ очевиден: никто ничего не знает. Шерсть у различных тварей появляется совершенно случайно. Некоторым не везет, шерсть оказывается ненужной роскошью. Другим везет: наступает похолодание, и они становятся основателями новой ветви на древе филогенеза.

Итак, именно хаотические эксперименты по нарушению набора наследуемых признаков являются источником разнообразия видов. Как это ни уничительно, но вид *Homo sapiens* обязан своим происхождением цепочке случайностей. Утешением может служить лишь то, что этот набор случайностей подчинялся своим закономерностям. Это именно те закономерности, о которых пишут Матурана и Варела, боясь признаться, что описывают законы хаоса.

Теперь обсудим пример из жизни представителей упомянутого вида. Вот поучительная цитата из Дэвида Старка:

«Каждый вечер во время сезона охоты индейцы наскапи, жившие на полуострове Лабрадор, держа над огнем лопатку канадского оленя карибу, определяли, куда завтра отправиться за дичью. Рассматривая следы копыт на ней, шаман указывал группе охотников направления охоты. Таким образом, индейцы наскапи вводили в свои действия элемент случайности, позволявший избежать давления краткосрочной рациональности, которая заставляет предполагать, что наилучший способ найти дичь завтра — поискать там же, где ее нашли сегодня. Каждый день, изучая следы, оставленные копытю на лопатке оленя, они могли избежать ловушки «замыкания» на первых успехах: удача, достигнутая в краткосрочном периоде, в длительной перспективе обернулась бы истреблением оленей карибу в округе и тем самым снизила бы вероятность последующей удачной охоты»²⁵.

²⁵ Старк 2001: 118.

Очевидно, что описанный здесь ритуал дает нам пример своеобразного датчика (генератора) случайных направлений. О его эффективности

свидетельствует одна из важнейших теорем математической теории игр: против игрока, использующего случайную игровую стратегию, оптимальной будет только случайная игровая стратегия, всякие детерминированные правила бессмысленны. Как пишет сам Старк, применение случайной стратегии позволяет племени избежать «ловушки краткосрочной рациональности», попадание в которую в данной ситуации равнозначно угрозе голодной смерти.

Природа стохастична по своей сути: от микромира до погоды. Следовательно, этой случайности необходимо противопоставлять случайность, порождаемую человеком. Это и делают индейцы наскапи, не осознавая, что экспериментально подтверждают теорию игр, что изобрели датчик случайных направлений. Они, естественно, убеждены, что шаман запрашивает нужное направление охоты у предков. Так или иначе, рассмотренный в приведенном фрагменте ритуал являет собой первый (в данном тексте) пример института хаоса. Напомню также об упоминавшихся выше амебах, занятых, как и индейцы племени наскапи, случайным поиском пищи.

Независимо от открытий североамериканских индейцев современная научная мысль начинает признавать роль хаоса в социальной сфере. Не претендуя на детальный обзор соответствующих трактовок, ограничусь несколькими типичными цитатами. Мэри Дуглас характеризует хаос так:

«...Подразумевается, что беспорядок (то есть хаос — Г.С.) неограничен, в нем не реализован ни один образец, но его потенциал выработки образцов неопределенно велик. Поэтому, хотя мы и стремимся к порядку, мы не можем просто осудить беспорядок. Мы понимаем, что он разрушителен для существующих образцов, но мы также признаем его потенциал. Он символизирует одновременно и опасность, и силу»²⁶.

²⁶ Дуглас 2000: 143.

В этой предельно общей характеристике еще чувствуются легкие отголоски мистического трепета, вызванные, видимо, тем, что в данной сентенции автор пытается совместить собственное отношение к хаосу с бытовыми представлениями о нем же. Тем не менее, при всех оговорках, современное научное мышление постепенно преодолевает страх перед хаосом, начиная осознавать его истинную роль и место в бытии²⁷. Воспользуемся тем, как эти новые установки сформулированы Валерией Васильковой:

²⁷ См., напр. Кравец 1970; Кудрявцев 1992.

- «— Развитие многовариантно и альтернативно как в перспективном, так и в ретроспективном плане, поэтому можно предположить, что так называемые «тупиковые», промежуточные или девиантные пути развития могут быть совершеннее или перспективнее избранного варианта развития;
- развитие происходит через неустойчивость, поэтому не следует опасаться, а тем более игнорировать роль хаоса, флуктуаций в развитии, — хаос не только разрушителен, но и конструктивен;

- процесс развития включает в себя дивергентные тенденции (рост разнообразия) и конвергентные тенденции (свертывание разнообразия);
- развитие мира происходит по нелинейным законам, то есть нельзя сводить его к кумулятивной поступательности, темп и направление развития не заданы однозначно; отсюда — новое понимание проблемы управления сложноорганизованными системами: оно должно ориентироваться не столько на желание управляющего, сколько на собственные тенденции развития этих систем, а также допускать возможность существования зон (и моментов), свободных от контроля — непредсказуемых»²⁸.

²⁸ Василькова 1999: 30.

Если учесть, что приведенный текст касается широкого круга систем, включая социальные, его смелость заслуживает оценки. Вместе с тем подобная смелость всегда весьма ограничена, как и в данном случае. Многие современные теории, признающие хаос как важную часть реальности, тем не менее боязливо отводят ему специальные ниши, пытаясь провести разграничительные линии, по разные стороны которых они размещают порядок и хаос. Это свойственно и работам по синергетике, распространяющим идеи этой науки на сферу социального. Один из популярных подходов состоит в том, что хаосу отводится место на нижних уровнях социальной организации, а порядку — на высших. Именно так поступает цитирувавшаяся выше В.Василькова:

«...При возникновении «структур порядка» хаос не исчезает, а присутствует в них необходимым для их существования и дальнейшего развития компонентом (такие структуры представляют собой синтез упорядоченности на макроуровне и разупорядоченности на микроуровне)»²⁹.

²⁹ Там же: 5—6.

Контрпримеры, однако, очевидны и бесчисленны. Молекулы воды, обладающие жесткой структурой, все вместе участвуют в хаотическом тепловом движении. Хаос рыночных отношений на макроуровне сочетается с гораздо более жестким порядком на микроуровне (внутри отдельных фирм). Более интересный и важный контрпример, относящийся к сфере социального, будет рассмотрен немного позднее. Но и сказанного достаточно, чтобы отказаться от идеи разграничения сфер влияния порядка и хаоса по уровням организации.

Авторы некоторых научных публикаций, использующие понятие хаос, наделяют его двумя противоположными смыслами. С одной стороны, хаос предстает источником разнообразия, развития, инноваций, благотворной социальной динамики. С другой стороны, он противопоставляется порядку (хорошему), олицетворяя его противоположность — разрушение, опасность, потерю связей, перспектив и смыслов. В частности, Леонид Бляхер, вводя понятие «социальный хаос», различает два вида хаоса: «креативный, творческий» и «злую деструктивную силу»³⁰. Социальный хаос Бляхера — это «нехороший период» между двумя порядками:

³⁰ Бляхер 2005: 53.

«Социальный хаос абсурден не в силу имманентного отсутствия смыслов, а в силу их трагического рассогласования, автономного

дрейфа по несогласованным траекториям. Такое социальное состояние — явление достаточно редкое, а в современном варианте и просто уникальное»³¹.

³¹ Там же: 16.

Тем больше гордости, видимо, должен вызывать тот факт, что социальный хаос — это не что иное, как «состояние российского социума после провала горбачевской перестройки»³².

³² Там же: 12.

Я предлагаю не наделять столь абстрактное понятие, как хаос, оценочными характеристиками, которые могут быстро меняться по мере смены режимов, политической конъюнктуры, доминирующего в прессе дискурса, политических пристрастий. В качестве одного из многих очевидных аргументов в поддержку своей позиции сошлюсь на возможность аналогичного приписывания двух смыслов — позитивного и негативного — понятию порядок. Ясно, что исторический опыт представляет для этого обильный материал. Кроме того, воспользовавшись апелляцией Бляхера к «краху горбачевской перестройки», мы можем резонно предположить, что последовавший за ней «хаос» был необходимым условием вызревания нового плодотворного прядка. Еще один аргумент, возможно — самый важный, будет приведен чуть ниже.

Обсуждение Бляхером понятия «социальный хаос» дает еще один пример стремления убежать от хаоса, одновременно признавая его существование:

«После того как некоторое хаотическое состояние сменяется упорядоченным, хаоса, как показал И. Пригожин, уже просто нет и никогда не было. Социальный выбор уже совершен, и все, что ему сопутствовало, просто исчезает. Остается «скачок», мгновенная, а значит — не нуждающаяся в специальном анализе, перестройка социальной системы»³³.

³³ Там же: 80.

Несмотря на свою почтенную историю, подобное сакральное убийство хаоса новым порядком, восходящее к древним мифам и космогониям, слабо соотносится с действительностью. Во-первых, только в математических моделях нечто, включая хаос, может исчезать «как и не было». (Так происходит, в частности, с взаимопереходами дискретного и непрерывного.) В социальной жизни все несколько сложнее. Во-вторых, убийство хаоса заставляет предположить, что в условиях этого хаоса совершается некий социальный выбор. Но тогда возникают остающиеся без ответа вопросы: кем? на каком основании? какова процедура? а нельзя ли было совершить такой выбор, минуя стадию хаоса? И, наконец, в-третьих, убийство хаоса, как выясняется, освобождает от необходимости подвергать анализу перестройку социальных систем, что, фактически, замыкает конструкцию, поскольку не подразумевает ответа на поставленные выше и многие другие вопросы. Из них последний: если хаос исчезает, то откуда он берется вновь (или взялся ранее)?

Как представляется, трудно понять какое-либо явление, если не признаешь за ним всю полноту существования. К хаосу, случайности, беспорядку это относится в максимальной степени. Поэтому позицию в отношении случайности, занятую Никласом Луманом, который строит свою теорию общества, отталкиваясь от идей Варелы и Матураны,

³⁴ Луман 2004:
46—47.

случайность отрицающих, можно расценить как интеллектуальный подвиг. Луман пишет о поведении социальных систем, использующих случайность как ресурс приспособления к непредсказуемому будущему³⁴.

Здесь Луман, на мой взгляд, касается самого главного. Осмелюсь сформулировать это главное в виде двух взаимосвязанных тезисов:

1. Будущее принципиально многовариантно, неопределенно и непредсказуемо.
2. Хаос сегодня и неопределенность будущего — это две стороны одного и того же явления.

Для симметрии следовало бы добавить: порядок сегодня и однозначность прошлого — это две стороны одного и того же явления (однозначность прошлого не надо путать с однозначностью его трактовок или с полнотой нашего знания о нем). Я пока не готов развернуть и обосновать идею, которую сейчас выскажу, но она мне кажется чрезвычайно важной. Асимметрия порядка и хаоса есть иное выражение асимметрии прошлого и будущего. И одно точно так же не мыслимо без другого.

Легендирование институтов хаоса

³⁵ См. Сатаров 2006.

Поскольку для обсуждения всей известной мне на сегодняшний день совокупности легендированных институтов хаоса места в статье заведомо не хватит и кое-что уже было написано мною в предыдущей работе³⁵, я ограничусь рассмотрением трех институтов: гаданий, игр и выборов. Я выбрал данный набор потому, что в нем просматриваются некоторые интересные взаимосвязи.

Гадания. Гадания как часть социальной культуры пронизывают все цивилизации и все времена. Разнообразие гадательных практик и приемов поражает. Перечислю некоторые из них, не указывая конкретную географическую локализацию, ибо имели место и миграция практик, и совпадения: полет и крик птиц; внутренности животных; поведение воды или огня; шелест листьев, расположение брошенных ивовых прутиков; расположение камешков, брошенных на набор иероглифов; трещины на кости, возникшие от втыкания в нее раскаленной металлической палочки.

Другой вид гаданий, часто рассматривающийся как более «высокий», сопряжен с вещаниями жреца или иного «эксперта», предварительно впадающего в состояние транса. Состояние транса обладает тем важным качеством, что человек теряет связь с реальностью. Последнее обстоятельство имеет принципиальное значение и связано с другими методами прорицания. Различные источники свидетельствуют о распространности практик, когда при решении нестандартных задач обращаются к людям заведомо неадекватным, относительно которых сообщество убеждено, что они находятся вне традиционной связи с реальностью. Поскольку это существенно для дальнейшего изложения, напомним пример, приводившийся мной в предшествующей статье.

В центральной части Танзании живет племя эханзу. М.Дуглас (со ссылкой на Виржинию Эддам) рассказывает об использовании этим племенем в практических целях деревенских дурачков:

³⁶ Дуглас 2000: 144.

«Если в ожидаемое время дождь не случается, эханзу подозревают в этом колдовское вмешательство. Чтобы нейтрализовать колдовство, они берут дурачка и посылают его бродить в лесных зарослях. В процессе своих скитаний по лесу он бессознательно разрушает действие колдовских чар»³⁶.

³⁷ Прыжов 1986: 31.

Как показывает Иван Прыжов, русские общины тоже защищали своих дураков. Когда, к примеру, московский дурак Иван Яковлевич ушел в лес, окрестные крестьяне построили ему избушку³⁷. Дураки были источником благодати и успеха. Важнейшее свойство дураков заключалось в том, что они находились вне рутинного профанного мира, вне действующего социального порядка. Жрецы, вещающие в состоянии транса, — другая реализация того же свойства. Данное соображение подтверждается тем, что жрецы весьма часто должны были вести отшельнический образ жизни, всячески изолируя себя от сообщества и его дел.

Независимо от применяемого подхода — гадать с помощью внешних предметов и явлений или гадать «на самом себе» — делать это могли только избранные: привилегированная, охраняемая каста жрецов. Это очевидное свидетельство того, что гадания были не просто институтом, но одним из важнейших институтов древних обществ на протяжении многих тысячелетий и по всей Ойкумене.

Выражаясь современным научным языком, институт гадания использовался для «принятия решений в условиях неопределенности». Если говорить более конкретно, то к гаданиям прибегали при определении времени начала военных действий, решении личных проблем лидеров, поиске потерявшихся людей или предметов, установлении виновных и т.п. Общим для всех этих ситуаций было одно: их нестандартность, невозможность применения к ним рутинных процедур и привычных методов.

Как и в описанном выше случае с племенем наскапи, процедуры гаданий обеспечивали возможность принятия случайных решений, когда противником являлось неопределенное будущее. В этом смысле гадания (в пору своего институционального расцвета) могут рассматриваться как пример масштабного и повсеместного использования случайности (хаоса) в рамках социального порядка. Но гадания интересны и присущей им общностью легендирования: практически всегда и везде они выступали в форме сакрального ритуала общения с предками (позже — с богами). На эту связку между случайностной сущностью и ритуальным легендированием обращает внимание, в частности, Юрий Лотман³⁸. То же самое признает и Н.Луман³⁹.

³⁸ Лотман 1992: 92—94.

³⁹ Луман 2005: 59—60.

⁴⁰ Там же: 62.

Тот же Луман указывает на еще одну интереснейшую ипостась института гаданий, которую нельзя не упомянуть⁴⁰. Определенные виды гадания первоначально использовались как средство общения с богами,

потом они породили способы записи результатов такого общения, что, в свою очередь, дало толчок развитию письменности в ее современном понимании. Здесь мы видим пример случайного цивилизационного прорыва, типичного как для истории культуры, так и для эволюционного процесса вообще.

Подводя промежуточный итог, позволю себе повториться: гадания дают нам отчетливый пример института хаоса с ясной и повсеместно используемой легендой, камуфлирующей суть института. Однако есть основания полагать, что в данном случае легенда возникла не под влиянием страха перед хаосом. Скорее всего, она появилась в ходе естественной исторической дифференциации, выделившись из более раннего и более общего института, о котором речь пойдет ниже.

Игры. Про игры часто говорят, что они — модели жизни (речь идет, разумеется, о социальной жизни). На самом деле ровно наоборот: все, что мы можем наблюдать в «реальной жизни», вырастает из игры. Это кажущееся парадоксальным утверждение выводится из следующих рассуждений, осуществляемых по аналогии. Эволюционный дрейф происходит путем дифференциации форм (видов) в процессе случайного поиска, связанного со случайными ошибками при воспроизводстве экземпляров, относимых к тем или иным формам (видам). Эволюционный дрейф имеет ясную направленность — от однообразия к разнообразию, от простых форм к сложным. Это отчетливо видно на примере филогенетического дрейфа. Аналогичную картину мы обнаруживаем при изучении истории формирования естественных языков. В равной степени это относится и к процессу естественного формирования институтов. Это означает, что наблюдаемое сегодня разнообразие институтов сформировалось в процессе дифференциации, институционального дрейфа из некоего единого протоинститута. Идея эта не нова. Меня, например, вдохновляет, что я обнаружил ее, помимо прочего, в сочинениях лауреата Нобелевской премии Фридриха фон Хайека⁴¹.

⁴¹ Хайек 1992.

Вопрос в том, что это за протоинститут. На мой взгляд, из всего, что нам известно, именно игра в максимальной степени может претендовать на данный статус. Разумно предположить, что протоинститут должен сочетать в себе черты более поздних базовых институтов, фиксируемых на ранних стадиях дифференциации. И тут важно обратить внимание на замечания исследователей, серьезно занимавшихся игрой.

⁴² Хейзинга 2003.

⁴³ Там же: 28—29, 39.

⁴⁴ Там же: 52—53.

⁴⁵ Там же: 87, 93.

⁴⁶ Кайуа 2004: 274—278.

Так, Йозеф Хейзинга⁴² постоянно, иногда даже излишне, переплетает игру и ритуал⁴³; устанавливает связку между игрой и битвой, в том числе через состязательность и неопределенность исхода⁴⁴; описывает, апеллируя к состязательности, игровые истоки правосудия⁴⁵ — одного из базовых и древнейших институтов. Ему вторит Роже Кайуа⁴⁶, говорящий об общих чертах игрового и сакрального, сближающий игру с войной через праздник. Второй важный аргумент: игра в разных своих проявлениях пронизывает всю человеческую деятельность. Самая распространенная метафора индивидуальной и коллективной активности

человека — это метафора игры. Третий аргумент строится на попытке расширительного толкования утверждения: «онтогенез повторяет филогенез». Если перенести его на процессы индивидуальной и коллективной социализации, то нельзя не вспомнить о гигантской роли игры в процессе первичной социализации ребенка. Из этого можно вывести, что она играет аналогичную роль в формировании социального порядка как основы человеческого существования.

И, наконец, четвертый, самый важный аргумент; он связан с сутью игры. Если собрать вместе ключевые свойства игры, которые приписывает ей Й.Хейзинга, то получится следующий список (приводится в произвольном порядке):

- свобода участия;
- нахождение вне зоны практической жизни и вне «практической пользы»;
- локализация в пространстве и во времени;
- напряжение, страсть, борьба;
- непреложность порядка (правил);
- неопределенность, непредсказуемость исхода, результата⁴⁷.

⁴⁷ Хейзинга 2003: 21, 24, 25, 27, 59.

Данный набор свойств характеризует игру в ее отдифференцированном виде, уже выделившуюся из протоинститута, основу которого она задавала. Но в своем первоначальном качестве она могла выглядеть несколько иначе. Категория свободы участия не действовала, поскольку все регулирование социального порядка осуществлялось единственным протоинститутом. То же самое относится и к «внепрактическому расположению» игры, ибо выбор сферы деятельности, ориентированной на пользу, возможен при наличии некоторого меню, которое отсутствовало вместе с соответствующим понятием: «полезна» была любая деятельность, регулируемая протоинститутом. Подозреваю, что свойство «локализация в пространстве и во времени» понадобилось Хейзинге, чтобы выделить институт игры и его конкретные воплощения из сферы повседневной практики. Ясно, что в условиях протоинститута это также было несущественно.

Мне сложно судить о таком свойстве игры, заведомо присущем ей в ее нынешней реинкарнации, как напряжение, страсть, борьба. Понятно, что это свойство делает игру крайне привлекательной. Разумно предположить, что укоренение протоинститута, завоевание им универсальной регулирующей роли могло поддерживаться такого рода привлекательностью. Остались два свойства, которые без колебаний можно считать самыми важными не только для игры, но и для выживания вида в принципе. Но прежде чем перейти к ним, отмечу, что в рамках протоинститута игра должна была иметь сакральный характер.

Первое из оставшихся свойств: непреложность правил. Если вспомнить о фундаментальной роли социального порядка, осуществляющего регулирующую функцию за пределами наследуемых инстинктов, для выживания вида *Homo sapiens*, то трудно усомниться в важности

соответствующего свойства игры. Об этом пишут все исследователи игры, поэтому я не обременяю себя ссылками.

Но не менее важно и другое свойство: неопределенность, непредсказуемость исхода. Оно обеспечивало достижение двух жизненно необходимых результатов. О первом уже шла речь выше: адаптация к неопределенности через поиск случайных решений. Вторым результатом представлял собой «побочный эффект» случайного поиска. Я имею в виду способность игры порождать новые социальные практики, ее творческий, инновационный потенциал как частный случай инновационного потенциала хаоса. На это указывает, в частности, Виктор Шинкаренко, одновременно ссылаясь на авторитеты в своем богатом обзоре литературы⁴⁸. «...Игра, — справедливо резюмирует он, — это поставщик возможностей для будущего развития культуры»⁴⁹.

⁴⁸ Шинкаренко 2005: 33.

⁴⁹ Там же: 41.

Активность предков в рамках протоинститута случайно порождала все новые культурные изобретения; некоторые из них закреплялись и дифференцировались в новые институты, тем самым запуская процесс институционального дрейфа. Игры, не только агональные (конкурентные), но и в форме постоянных экспериментов над окружающим миром и над собой, параллельно вызывали к жизни то, что сегодня мы назвали бы открытиями практического характера. Это неизбежно вело к появлению сферы повседневной практики, которой становилось тесно внутри института игры, но которая находила свое место в новых институтах. Формировалась область профанного.

Косвенное подтверждение своей гипотезы об игре как социальном протоинституте я обнаружил при знакомстве с книгой «Мир игры»⁵⁰. Во-первых, автор обратил мое внимание на интересный источник, в котором я вычитал следующее этнографическое наблюдение:

⁵⁰ Кривко-Апинян 2000.

«На Самоа поражает отсутствие каких бы то ни было различий между работой, которую необходимо делать и нельзя любить, и игрой как чем-то таким, что делают охотно, работой как главным делом взрослых и игрой как главным делом детей. Игра детей напоминает игры взрослых по своему характеру, интересу, ими вызываемому, по их взаимоотношению с трудом»⁵¹.

⁵¹ Мид 1988: 169.

Это описание может служить аргументом в пользу моего предположения о роли игры, поскольку в нем обрисована ситуация, когда игра выполняет некую универсальную функцию «жизнеобеспечения в целом», еще не дифференцированную по ролям и возрастам, что естественно для протоинститута. Вместе с тем, и я полностью отдаю себе в этом отчет, чтобы сделать данную гипотезу убедительной, поиск аналогичных этнографических свидетельств необходимо продолжить.

Во-вторых, я нашел в этой книге сходное с моими соображение о месте игры, пусть и высказанное с использованием категории культуры. Говоря о распаде синкретизма первобытной культуры, о вытеснении игры на периферию по мере появления других культурных полей — искусства, науки, педагогики и т.п.⁵², автор по сути дела ведет речь о

⁵² Кривко-Апинян 2000: 28.

дифференциации протоинститута, причем подразумевается, что в роли последнего выступала игра.

Сколько-нибудь подробно раскрыть в статье такую тему, как игра, заведомо невозможно. По необходимости нужно подытоживать. Из всего сказанного следует, что игра — типичный институт хаоса, сыгравший фундаментальную роль в развитии человеческой цивилизации. И эта роль еще не доиграна. Игра приучила людей уважать правила. Но впереди не менее интересный акт цивилизационной драмы: игре предстоит приучить нас спокойно относиться к хаосу. Выделение игры в самостоятельный институт развлечения по остаточному принципу сыграло злую шутку: она стала восприниматься как нечто второстепенное по сравнению с более величественными институтами, скажем, войны, политики или экономики, хотя каждый из них несет на себе отчетливые родовые признаки исходного игрового протоинститута. Одновременно мы разучились распознавать и ценить ее важнейшее свойство — быть генератором хаоса, но, надеюсь, не навсегда.

Выборы. Я начну с одной цитаты из известной книги Алексея Салмина: «Идея современной демократии связана с представлением о самоценности политической, партийной борьбы, предполагающей равенство сторон в том смысле, что одна сторона не может рассматриваться как заведомо менее достойная, чем другая, — это общее место западноевропейской и, шире, западной политической философии. Менее очевидным является то, что само состояние такого рода есть не материализация какой-то готовой теоретической формулы, а итог векторного, по-своему алгоритмического (то есть характеризующегося определенной последовательностью действий и событий) процесса»⁵³.

⁵³ Салмин 1997: 304.

Я впервые прочел эту замечательную и глубокую книгу в 1997 г., сразу после того, как получил ее от автора. Затем перечитал ее уже после его смерти, когда и зацепился за приведенное высказывание, поскольку оно, как мне показалось, отчетливо перекликалось с моими размышлениями, которыми я сейчас делюсь с читателями. Но я уже упустил возможность сверить свое понимание с пониманием Алексея Михайловича. Возможный диалог превратился в монолог. Но я считаю себя обязанным его воспроизвести.

14 апреля 2004 г. радиостанция «Эхо Москвы» передавала интервью с известным американским конгрессменом Томом Лантосом, недавно, к сожалению, умершим. Он делился своими соображениями о выборах в России и США. Если резюмировать смысл его высказываний, то получится примерно следующее: «Выборы в США правильные, поскольку их исход заранее не предсказуем. Выборы в России неправильные, поскольку их исход заранее определен». На первый взгляд это может показаться странным: «Как же можно говорить, правильные выборы или не правильные, если еще не известно, кого выбрали? Если правильного человека выбрали, то и выборы правильные».

Здесь уместна параллель с охотой, на которую собираются мужчины племени наскапи: «Охота правильна, если удалось завалить здорового оленя. Если охота правильна, то и шаман указал правильное направление». Именно подобная логика и заводит в «ловушку первого удачного решения», о которой пишет Д. Старк, обсуждая ритуалы индейцев наскапи. Суть в том, что непродуктивно рассматривать эффективность (результативность) отдельной охоты, а следовательно — эффективность однократно выбранного направления таковой. Нужно анализировать эффективность *стратегии выбора* направлений охоты на длительном временном отрезке. А тогда выясняется, что эффективна *стратегия случайного выбора*.

Точно так же и при выборах в органы власти. Эффективность этого института определяется на длительном временном отрезке, и тогда оказывается, что главное в выборах — это непредсказуемость результата, *случайность*. Аналогия здесь абсолютно правомерна. Выбору направления охоты, случайно осуществляемому шаманом по копоти на оленьей лопатке, соответствует выбор направления развития (хотя бы в рамках альтернативы «старое — новое»), случайно осуществляемый по итогам выборов. Иными словами, в долгосрочной перспективе смена направлений развития (программ) с помощью случайного выбора в рамках свободной политической конкуренции эффективнее, чем следование одному конкретному социальному проекту. Продолжая аналогию, напомню, что случайная стратегия позволяет индейцам наскапи адаптироваться к случайностям миграции животных в окружающей их среде. Равным образом демократия, по определению Толкотта Парсонса, это инструмент институциональной адаптивности, позволивший западным обществам выиграть у остальных⁵⁴. Надеюсь, что предшествующее изложение убеждает: именно случайность является тем самым ключевым свойством, которое обеспечивает указанную адаптивность. А сама демократия есть способ институционализации случайности, точнее — случайного поиска направлений развития. Этот тезис несколько отличается от тезиса Баумана об «антиинституционализме демократии»⁵⁵. Любое общество институционально. Вопрос только в том, что же оно институционализирует. Предлагаемый ответ: демократия институционализирует случайный поиск направлений развития.

⁵⁴ Парсонс 1997.

⁵⁵ Бауман 2002.

Альтернатива этому — мегапроектный подход эпохи модерна, в рамках которого строится некий образ идеального будущего, а потом всеми силами государства общество заталкивается в это будущее. Трагическая неэффективность подобного подхода убедительно продемонстрирована Джеймсом Скоттом⁵⁶.

⁵⁶ Скотт 2005.

Теперь возвращаюсь к процитированной выше мысли Салмина. Первый тезис — о самоценности правил партийной борьбы — роднит политическую конкуренцию с игрой. Приведенные мною соображения проясняют природу этого родства: и выборы как институт политической конкуренции, и игра обеспечивают адаптацию посредством механизмов случайности. Второй тезис Алексея Михайловича, как мне

кажется, выражает непроектный характер возникновения современной политической конкуренции в демократиях, а направленный процесс в терминологии данной статьи синонимичен институциональному дрейфу.

Именно потому, что демократия вместе с выборами в качестве механизма политической конкуренции является результатом естественной институциональной эволюции, закономерен вопрос: а что после демократии? Вопрос совершенно досужий, хотя смешной и выдающий обостренное любопытство. Ведь результат хаотического дрейфа прогнозировать трудно. Но пофантазировать на эту тему можно. Этим фантазиям, надо сказать, мы с Алексеем Михайловичем предавались. Способ размышлений, характерный для настоящей статьи, и ее материал наталкивают на следующий ход мыслей.

Уже неоднократно приводившийся пример из жизни индейцев насапи просто напрашивается на возражения. Главное из них может звучать примерно так: «Стратегия случайного выбора направлений охоты оптимальна только на множестве племен, занимающихся охотой. Как только мы расширяем область определения, то сразу выясняется, что животноводство много эффективнее». Верно! Именно поэтому мы сегодня приносим мясо из магазина, куда оно попадает с животноводческих ферм. Случайный выбор направлений охоты был оптимален постольку, поскольку охотничьи племена не знали животноводства. Переход на другой уровень развития (животноводство) делает бессмысленными прежние оптимальные стратегии жизнеобеспечения. Точно так же демократия оптимальна до тех пор и постольку, пока и поскольку крайне ограничено наше социальное знание и разрушительно наше социальное проектирование. Переход на другой цивилизационный уровень поглотит демократию как способ институционализации случайного поиска направлений развития. Но это не значит, что роль хаоса будет устранена. Он найдет себе другую «работу» — какую, предсказать невозможно.

Предложенное выше понимание ключевой функции выборов (демократии) как института хаоса, предназначенного для случайного поиска направлений развития, нельзя назвать общепринятым. Многочисленные работы по теории демократии содержат массу иных трактовок. В этом нет ничего удивительного. Демократия многофункциональна (да позволено мне будет употребить это несимпатичное слово), как экономика, искусство, политика, спорт или иной развитый институт. Процесс ее формирования стимулировался различными идеями и потребностями. Немалая их часть фиксировалась письменно и вытесняла древние корни вроде игры или гадания по полету птиц. И среди них были такие важные идеи, как борьба с тиранией, власть народа, справедливость, участие и т.п. Поэтому выделенная мною ипостась демократии легко оказывалась в тени величественных и благородных идей, так увлекающих нас. Тем более что эти идеи не пропадали втуне, но, напротив, различными способами, в большей или меньшей мере,

воплощались механизмами современной демократии. По существу, легитимирование демократии как института хаоса не требовало никаких усилий, а происходило само собой. Но вот что интересно, хотя по-своему трагично: когда демократия рушится или загнивает, первой жертвой становится именно ее базовое свойство — быть институтом хаоса. Это должно настораживать.

Заключение

В процессе изложения я не пытался привлечь внимание читателей к интересным взаимосвязям и параллелям между тремя описанными институтами. Для внимательного читателя они очевидны, а для невнимательного пришлось бы писать еще одну отдельную статью. Но один важный момент, бросающийся в глаза при сравнении трех институтов, требует комментария.

Эксплуатация хаоса в социальном порядке естественна и неизбежна в силу всепроникающей роли случайности, заложенной в природе вещей. Эта роль настолько фундаментальна, что составляет основу человеческой социальности в заведомо не меньшей степени, чем порядок. Более того, если говорить об исторической преемственности, то роль хаоса предшествовала роли порядка.

Имеется и еще одно различие: хаос бесцелен; любая телеология легко ассоциируется с той или иной формой порядка, но не увязывается с хаосом. Трудно поэтому убедить себя в осмысленности случайного поиска. С порядком проще, ибо он проще хаоса и ему можно приписать причины и следствия. Хаос этого не приемлет. Это еще одна причина, почему легенды приживаются, а истинная суть наших цивилизационных достижений остается в тени или вытесняется, подавляется. Все это создает проблемы узнавания хаоса. Однако считать себя совершенно безнадежными нет оснований.

Библиография

- Бауман** З. 2002. *Индивидуализированное общество*. — М.
- Бергер** П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. — М.
- Бляхер** Л.Е. 2005. *Нестабильные социальные состояния*. — М.
- Будон** Р. 1998. *Место беспорядка. Критика теорий социального изменения*. — М.
- Василькова** В.В. 1999. *Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации)*. — СПб.
- Дуглас** М. 2000. *Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу*. — М.
- Кайуа** Р. 2004. *Миф и человек. Человек и сакральное*. — М.
- Кравец** А.С. 1970. *Вероятность и системы*. — Воронеж.
- Кривко-Апинян** Т.А. 2000. *Мир игры*. — М.
- Кудрявцев** В.Н. 1992. *Социальные деформации*. — М.
- Левицкий** С.А. 1995. *Трагедия свободы*. — М.

- Лосский** Н.О. 1991. *Избранное*. — М.
- Лотман** Ю.М. 1992. *Культура и взрыв*. — М.
- Луман** Н. 2004. *Общество как социальная система*. — М.
- Луман** Н. 2005. *Медиа коммуникации*. — М.
- Матурана** У., Варела Ф. 2001. *Древо познания: Биологические корни человеческого понимания*. — М.
- Мид** М. 1988. *Культура и мир детства*. — М.
- Павленко** А.Н. 2003. Место «хаоса» в новом мировом «порядке» (Методологический анализ оснований хаотической космологии) // *Вопросы философии*. № 9.
- Парсонс** Т. 1997. *Система современных обществ*. — М.
- Погорельская** Е.Ю. 2004. Проблема порядка и хаоса в философии и естествознании // *Новые идеи в философии природы и научном познании: Сб. науч. трудов*. Вып. 2. — Екатеринбург.
- Пригожин** И., Стенгерс И. 2005. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой*. — М.
- Прыжов** И. 1986. *26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии*. — СПб.
- Салмин** А.М. 1997. *Современная демократия: очерки становления*. — М.
- Сатаров** Г.А. 2006. Как возможны социальные изменения: Обсуждение одной гипотезы // *Общественные науки и современность*. № 3.
- Скотт** Дж. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. — М.
- Старк** Д. 2001. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // *Экономическая социология*. Т. 2. № 2 (http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc_t2_n2.pdf).
- Фейнман** Р., Лейтон Р., Сэндс М. 1965. *Фейнмановские лекции по физике. Т. 3: Излучение. Волны. Кванты*. — М.
- Франкфорт** Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. 2001. *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. — СПб.
- Хайек** Ф. А. фон. 1992. *Пагубная самонадеянность*. — М.
- Хейзинга** Й. 2003. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Хейзинга Й. *Homo ludens. Статьи по истории культуры*. — М.
- Шестов** Л. 2004. *Апофеоз беспочвенности*. — М.
- Шинкаренко** В.Д. 2005. *Смысловая структура социокультурного пространства: игра, ритуал, магия*. — М.
- Эбелинг** В., Файстель Р. 2005. *Хаос и Космос: синергетика эволюции*. — М., Ижевск.